

Щелчок ударил по доске, и Чжоу Цзихэн, стоявший лицом к двум машинам, немедленно вошёл в состояние. Это был он, которого Ся Сицин никогда раньше не видел.

Он захлопнул железную противоугонную дверь рукой и, не говоря ни слова, энергично хлопнул по ней. Его задние зубы сжались, а глаза опустились. Стук в железную дверь заставил Ся Сицина, стоявшего в стороне от коридора, внезапно прийти в себя.

— Кто это? Это, блядь, ненормально...

Дверь внутри противоугонной двери открылась, и было видно, как Ао Жун протирает глаза через железные перила. Его иссохшие волосы были похожи на пучок травы поздней осенью. Когда он увидел Чжоу Цзихэна, его брови нахмурились, а лицо сморщилось. Выражение его лица было очень брезгливым:

— Ты что, блядь, психически болен? Идти сюда и доставлять мне неприятности. Ты всё ещё хочешь зарабатывать деньги? Да?

Гао Кун потряс сжатым в кулак кулаком, плотно сжал губы, его глаза всё ещё были наполовину опущены.

— О чём ты говоришь? Ты, блядь, пускаешь кровь и такой тупой! - Ао Жун почесал в затылке, положил руку на дверь и приготовился закрыть её. — У Лао-цзы есть все деньги для тебя, не приходи сюда, блядь, создавать проблемы...

Раздался громкий хлопок.

Кулак Гао Куна сильно ударил по железным воротам. Он был похож на зверя, за которым наблюдают в зоопарке. В крайнем гневе он свирепо уставился через перила, его глаза покраснели.

— Ты, блядь... ты... - Гнев сделал его голос хриплым, — Это всё из-за твоей игольчатой трубки.

Ао Жун был поражён им, немного виноватый в глубине души, но он всё ещё притворялся камнем.

Похоже, в конце концов, этот Гао Кун не более чем один из их пакетов крови, и людям, которые настолько бедны, что могут только продавать кровь, нечего бояться.

— Кто ты такой, а? Я думаю, ты безумно беден.

— У меня СПИД. - Гао Кун внезапно сказал. — Привет! Вы знали? СПИД!

Он произнёс первую фразу спокойно и ненормально, как будто больной человек был не в себе, но это спокойствие длилось не несколько секунд, его кулак продолжал колотить по железным воротам, как будто он мог спастись, разбив их, дрожа всем телом.

Ао Жун застыл на месте от неожиданности.

Он долго ничего не говорил.

Ся Сицин, который стоял в стороне, был очарован, но Ао Жун промолчал, а затем сделал два шага назад, колеблясь, Гао Кун снова дважды хлопнул дверью, отчаянно вцепившись в перила, как злой дух, и сказал:

— Это всё ты, это всё ты сделал меня таким! Я собираюсь убить тебя! Открывай дверь.

Взгляд Ся Сицина упал на Ао Жуна, нет.

Представление было неправильным.

Гао Кун, очевидно, только что спасал ситуацию.

— Снято! Ао Жун ты забыл свои слова, в чём дело? – Режиссёр Кун взял рацию и перестал кричать.

— Так получилось, что мы снимем крупным планом сторону Гао Куна. Всё в порядке. Сначала посмотрим это дважды. Ао Жун, не расстраивайся.

Ян Бо изобразил на лице сожаление и раскаяние и наклонился, чтобы снова и снова извиняться перед персоналом:

— Простите, мне очень жаль, я только что действительно испугался Цзихэна.

Ся Сицин не мог удержаться от смеха. Кунфу Чжоу Цзихэна за одну секунду было слишком глубоким. Он был достоин быть ребёнком, выросшим в команде. Любой с такой аурой был бы напуган.

Визажист поспешно шагнул вперёд, чтобы вытереть пот Чжоу Цзихэна. Чжоу Цзихэн попросил Ян Бо открыть дверь и поговорить с ним. Они обменялись настройками персонажей друг друга в этой сцене.

— Всё в порядке. – Чжоу Цзихэн похлопал его по плечу. — На самом деле нелегко разыгрывать сцену конфликта, как только ты появляешься. Я сделал это в самом начале, и постепенно всё

наладится.

Ян Бо очень благодарен. Благодаря своей внешности и личности Чжоу Цзихэн всегда был сильным и несколько равнодушным типом в глазах незнакомых людей, но на этот раз он вступил с ним в контакт и обнаружил, что это совсем не так. Он не только не равнодушен, но также очень нежен и терпелив.

— Вы готовы? Давайте сделаем ещё один снимок. На этот раз возьмите Гао Куна крупным планом. Гао Кун обращает внимание на машину. - Кун Дао посмотрел на Ян Бо. — Ао Жун сначала встань позади фотографа и взгляни. Если ты согласишься ещё несколько раз, тебе не будет страшно.

— Неужели я так устрашающе выгляжу?

Веселье Чжоу Цзихэна рассмешило всех на съёмочной площадке, и нервозность Ян Бо значительно улучшилась.

Тебе страшно злиться.

Ся Сицин стоял недалеко от него, думая о той ночи, когда его накачали наркотиками.

— Первая и вторая сцены «Слежки» - это первый раз, экшн!

Начиная снова, Ян Бо встал за фотографом, сделавшим снимок крупным планом, и внимательно наблюдал за интерпретацией Чжоу Цзихэна на этот раз. В то же время он использовал свой голос, чтобы сыграть против него сзади. Снимок крупным планом показал полную перспективу Ао Жуна, и то, как Чжоу Цзихэн передал эмоции Гао Куна, было более полным, чем в прошлый раз.

Полнота, от небольшого транса в начале до все большего и большего гнева, боли и нежелания признать беспомощность, каждый эмоциональный момент обрабатывается плавно.

Казалось, в его красных глазах были слёзы, но, похоже, их не было.

— Ты убирайся отсюда! Я собираюсь убить тебя! - Гао Кун снова бил и пинал, и даже подобрал старую швабру, которая была брошена в углу, и ударил ею по двери. — Выходи! Убирайся! Я, блядь, должен позволить тебе быть похороненным со мной!

Длинный шест в его руке снова и снова колотил по железным воротам. С течением времени его сила, с которой он бил дверь, постепенно уменьшалась, и, наконец, он замер в воздухе.

Он опустил голову, стиснул зубы, и мускулы на его щеках задрожали. Пальцы, держащие

швабру, дрожали, но он изо всех сил старался унять дрожь.

— В этом году мне девятнадцать лет...

Сердце Ся Сицина дрогнуло.

Внешний вид этой линии слишком неудобный.

Появился голос Ао Жуна:

— Это... это... ты, блядь, издеваешься надо мной, я ничего не знаю, не полагайся на меня! Не полагайся на меня, я дал тебе твои деньги, иди найди кого-нибудь другого и сходи с ума!

— Кого мне искать?

Гао Кун снова бросился к железным воротам:

— Кого я собираюсь найти?

Голос Ао Жуна дрожал, как решётчатые отруби.

— Я, я, я не знаю! Кто передал это тебе, того ты ищешь... У несправедливости есть голова, а у долга есть хозяин, у меня нет СПИДа, не ищи меня!

Гао Кун дрожал от гнева, и одной рукой он просто хотел поцарапать марлю на железных перилах, пройти сквозь неё и вытащить этого человека. Теперь он не может дождаться, чтобы содрать с него кожу и выпить его кровь:

— Ты выходишь... выходи! Я хочу твою жизнь! Я хочу твою жизнь!

— Снято! - Режиссёр Кун закричал и остановился. — Очень хорошо, у Гао Куна есть крупный план. Следующий - Ао Жун. Реплика Ао Жуна просто кажется правильной. Вы, должно быть, испытываете чувство паники и страха и хотите уклониться от ответственности.

Ян Бо дважды тяжело кивнул головой.

Визажист похлопал Чжоу Цзихэн по плечу, он повернулся и опустил тело, чтобы дать ей пропотеть и наложить грим. Чтобы лучше соответствовать роли, он специально попросил визажиста использовать темную основу для макияжа. На его плечах были следы солнечных ожогов и ссадины, но лето в Ухане было действительно знойным, и люди начинали с небольшого движения. Потеть, само собой разумеется, что Чжоу Цзихэн так усердно выступал.

Ожидая, когда ему нанесут макияж, он посмотрел в другую сторону и встретил Ся Сицина, который наблюдал и изучал неподалеку. Он никогда не знал, что Ся Сицин присутствовал. Удивление на его лице почти некуда было спрятать, и уголки его рта мгновенно приподнялись.

Ся Сицин тоже улыбнулся ему.

Эмоции этого человека меняются так быстро, когда он действует. У него есть самые естественные навыки скрывать свои эмоции, но наедине он такой искренний, и все эмоции так очевидны.

Время поджидает. Чжоу Цзихэн приступил к третьему сразу после того, как макияж был закончен. Смена настроения Ао Жуна всё ещё была немного резкой в первый раз, особенно после того, как он узнал, что Гао Кун заражён. Момент.

— Ваша паника и страх - это две отдельные эмоции. Это неправильно. Ваше нынешнее состояние таково, что я не могу поверить, что он действительно заражён СПИДом, но, с другой стороны, он боится. Он не только был напуган им, но и был напуган этой болезнью.

Режиссёр Кун терпеливо пересказал Ян Бо съёмку, и после того, как он полностью понял эмоции персонажа, они начали снова.

Режиссёр Кун, который немного придирился к фильму, скончался после шестой съёмки.

— Прости, прости. - Ян Бо вышел из дома и выглянул в коридор. К счастью, солнце ещё не село. — Это у всех отнимает время.

— Всё в порядке. - Чжоу Цзихэн улыбнулся ему. — Как новичок, ты уже очень хорош.

— Цзихэн, ты знаешь, что это мой первый фильм? - Ян Бо был немного удивлён.

Изначально он думал, что такая маленькая кофейня, как он, никогда не привлечёт внимания такой популярной звезды мужского пола, как Чжоу Цзихэн, что даже немного польстило ему.

— Когда я впервые получил список актеров, я проверил информацию о каждом, потому что не каждый раз я играю с кем-то, кого знаю. Лучше знать заранее. - На его лбу осталась капля пота, что заметил Чжоу Цзихэн. Он поднял глаза и снова рассмеялся. — Я думаю, ты очень хорош. Когда я впервые играл в фильме, у меня не получилось. Первой сценой была сцена конфликта.

Ян Бо теперь почти считает Чжоу Цзихэна своим кумиром, хотя ему всего двадцать лет и он моложе его самого.

Он знает, почему так много людей любят Чжоу Цзихэна.

Ся Сицин подошёл, взглянул на выражение лица Чжоу Цзихэна и сразу понял это, и похвалил его удовлетворительно и искренне:

— Это хорошее выступление.

Чжоу Цзихэн был так счастлив, когда услышал это, но он не мог найти достойного способа выразить это, поэтому он поджал губы, улыбнулся и сказал Ся Сицину:

— Ты можешь купить мне эскимо?

— Иди к Сяо Ло, я тебе не помощник. - Ся Сицин взглянул на него. — Какое мороженое ты ешь, ты же не трёхлетний ребёнок.

Каждый раз, когда эти двое собираются вместе, Ян Бо чувствует, что его от них отделяет естественный барьер, который автоматически становится фоном, который можно увидеть только без необходимости разговаривать, и ему не терпится выдуть розовые пузыри им на головы.

О, боже мой, он на СР? Ян Бо проснулся.

Неудивительно, что у них так много поклонников СР...

Они поспешно переделали сцену перед заходом солнца. Действие происходило в переулке у задней двери отеля. После того, как были проложены направляющие, режиссёр Кун немного рассказал о сцене, потому что Ся Сицин, в конце концов, новичок, а роль Цзян Туна - это роль ведущего.

Эмоции, которые вызываются, воспроизвести сложнее, чем те, которые высвобождаются. Если вы не будете осторожны, у вас разовьётся паралич лицевого нерва, вы выйдете за рамки самой роли и заставите людей танцевать.

— Ты готов?

Ся Сицин, который стоял у задней двери отеля, кивнул и сделал жест. После того, как прозвучал звук доски, он, естественно, отнёс два больших мешка, полных мусора, от двери в переулочек, открыл крышку большого тёмно-зелёного мусорного бака, взял пакет для мусора и засунул его внутрь. Его руки были очень грязными. Он посмотрел на это. Смотрите, вытереть было негде, поэтому он медленно подошёл к маленькому крану в переулке, и потребовалось много времени, чтобы выпустить немного воды.

Он подставил руки под тонкую струю воды и тщательно смыл грязь с ладоней.

Внезапно почувствовав, что его чем-то сильно ударили по голове, Цзян Тун повернул голову, и выражение его лица было немного затуманенным. Заходящее солнце ярко осветило ему лицо. Против света он увидел нескольких приближающихся ругающихся гангстеров. У человека, который начал драку, в руке было пиво, и когда он увидел его, он просто подошёл. Начал ругаться:

— Тупица, ты всё ещё избегаешь нас в эти дни? – Сказав это, он резко бросил банку в свою руку.

Цзян Тун был так напуган, что поднял руку, чтобы прикрыть голову. Банка разбилась о его запястье, и недопитое пиво потекло на его одежду.

Он только что закончил работу в отеле, и на нём всё ещё были белый фартук отеля и белый комбинезон. Он был широким, старым и плохо сидящим, а теперь снова был грязным.

Губы Цзян Туна шевельнулись, но он ничего не сказал.

Несколько человек подошли и окружили его:

— Где деньги? Сделай это сознательно, и я не буду бить тебя сегодня.

Цзян Тун в панике использовал язык жестов, и лидер ударил его ногой прямо в живот:

— Жестикулируя твоей матери! Говори!

— Нет, никаких денег... – Цзян Тун схватился за живот и бросился к основанию стены. Он полез в карман и вытащил его чистым, хмуро глядя на них. — Нет, нет...

— Нет? Я думаю, ты просто обязан подражаться!

— Снято! – Директор Кун перестал кричать. — Выражение лица Цзян Туна неправильное, это слишком тяжело, вы должны бояться в это время.

Ся Сицин встал из-за угла стены. Удар в живот только что был просто предложением. Он всегда беспокоился, что его накажут за неестественное поведение в этом месте, но он не ожидал, что это будет из-за выражения его лица.

— Цзян Тун долгое время подвергался издевательствам со стороны этих местных хулиганов за сбор платы за защиту. Увидев их, он должен был бы по привычке испугаться. Ваше

выступление только что было слишком спокойным. - Режиссёр Кун - редкостно добродушный режиссёр. — Всё в порядке, давайте сыграем ещё одну, Сицин, немного расслабьтесь и возьмите на себя роль Цзян Туна.

Все готовились к следующему, но Ся Сицин сказал:

— Директор Кун, я не думаю, что это правильно.

Даже тот, кто играл гангстера рядом с ним, подмигнул. В Китае большинство фильмов сосредоточено на режиссёре. Режиссёр важнее всех в съёмочной группе. Многих актёров уволили, потому что они оскорбили режиссёра и даже разрушили всю свою карьеру, поэтому они почти никогда не обращаются с режиссёром на съёмочной площадке.

Выдвинутые предположения опровергнуты.

Но Ся Сицин не планировал играть много фильмов, и он не беспокоился о том, чтобы обидеть людей.

— Характер Цзян Туна не слабый и не робкий, если бы это был он, он бы давно умер. Его отец играл в азартные игры и избивал его и его мать до смерти с тех пор, как он был ребёнком. Его мать была проституткой, которая зарабатывала на жизнь подбором клиентов на дому. В конце концов, его даже убили заживо. До сих пор он работал один, чтобы прокормить себя. Этот опыт переносили на любого. Он покончил с собой давным-давно.

Тон Ся Сицина был спокоен, но сердце Чжоу Цзихэна необъяснимо заняло.

— Он не боится, но у него нет способности сопротивляться, поэтому он может только терпеть это. Как вы сказали, Цзян Тун долгое время подвергался издевательствам со стороны этих гангстеров и привык к такой жизни. Если вы привычно принимаете вред, возможно, более реалистично вести себя как бессердечный человек.

Сотрудники студии, большие и маленькие, занимающиеся освещением, фотографией, вопросами места проведения и ожидающие актёры, никто из них не высказал своего мнения. Все знают, что Кун Чэн - режиссёр с хорошей личностью, и ещё более очевидно, что он упрямый режиссёр.

— Я тоже согласен. - Голос Чжоу Цзихэна нарушил тишину. — На самом деле, Цзян Тун храбрее Гао Куна. На самом деле боится Гао Кун, а не Цзян Тун, который выглядит слабее.

Кун Дао уставился в землю с серьёзным выражением лица, сильно нахмурившись, а затем через некоторое время встал, посмотрел на небо, а затем на твёрдое выражение лица Ся Сицина. В этот момент он действительно почувствовал, что перед ним стоит не Ся Сицин, а настоящий Цзян Тун.

— Я признаю поражение. - Кун Чэн пожал плечами, улыбнулся и взялся за волосы на затылке.
— Цзян Тун в твоих устах ближе к этому персонажу, очень хорошо, очень хорошо.

В его сердце внезапно зажёгся огонь. Как он надеялся, что этот фильм сможет полностью раскрыть свою суть под его руководством и позволить зрителям увидеть это.

— Да, это всё. - Кун Чэн снова взволнованно повторил. — Просто стреляй вот так!

Ся Сицин также приподнял уголки рта, и ему как нельзя лучше знакомо выражение лица Кун Чэна.

Это высшее желание художественного творчества.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284213>